

Когда Ю Чжилай уже собирался распорядиться, чтобы привезли новый комплект одежды, к ним подъехал Сюй Лючжи — ассистент Сюй Ланьчжи.

Сюй Ланьчжи была художницей, прославившейся еще в юности. Лючжи, ее двоюродный брат, оказался единственным из всей родни, кто разделял ее страсть к искусству, и с самого детства следовал за сестрой по пятам. Окончив учебу за границей, он добровольно стал ее верным помощником.

— Господин Ю? — Лючжи искренне удивился, увидев главу семейства.

На его интеллигентном, приятном лице отразилась мягкая улыбка. Вежливо поприветствовав Ю Чжилая и маленького Ю Лу, он обратился к Чэнь Шуе:

— Сестра просила меня заехать за тобой. Не думал, что ты уже встретил господина Ю и молодого мастера.

— Прошу прощения, Крошка Лу случайно испачкал брюки Сяо Е. Я сейчас прикажу доставить смену, — с легким поклоном произнес Ю Чжилай.

— Дядя Ю, не стоит беспокоиться, — ответил Чэнь Шуе. — На верхнем этаже отеля у отца есть свои апартаменты, там найдется и моя одежда. Младший дядя проводит меня, и я переоденусь.

Пока они разговаривали, Сюй Ланьчжи увлекла Бай Сюэцин на балкон банкетного зала.

Поскольку на празднование пригласили только самых близких друзей и родственников, атмосфера была непринужденной. Гости разбились на группы, наслаждаясь беседой, так что хозяйке дома не нужно было ежеминутно следить за порядком.

На Сюй Ланьчжи было новое жемчужно-белое ципао. Густые иссиня-черные волосы были слегка подобраны и заколоты нефритовой шпилькой в форме бабочки; остальные пряди тяжелым водопадом ниспадали до самой талии.

Ее лицо, изысканное и одухотворенное, дышало классической красотой. Трудно было поверить, что в ее жилах течет русская кровь — выдавала лишь необычайная белизна кожи, тот редкий для азиатов холодный фарфоровый оттенок. Бай Сюэцин, знавшая ее с пеленок, не могла припомнить случая, чтобы к подруге хоть раз прилип загар.

Легкий ночной ветерок шевельнул локон, упавший на щеку, и Ланьчжи привычным жестом заправила его за ухо. Подставив лицо прохладе, она чуть склонилась и положила голову на плечо подружки. Сюэцин была высокой и, обожая каблук, казалась почти на голову выше Ланьчжи. Она ласково обняла художницу за плечи.

Ланьчжи тихо, едва слышно вздохнула.

— Что случилось? — Сюэцин заглянула ей в глаза. — Тебе грустно?

— Не совсем, — шепотом отозвалась Ланьчжи. Голос ее звучал мягко, но в нем чувствовалась затаенная усталость. — Я решила развестись с Канье.

Она заговорила медленно, словно пробуя слова на вкус:

— Последние полгода я жила с Сяо Е в России, даже не смогла приехать навестить Крошку Лу раньше... Всё это время я думала. Долго, мучительно. И в конце концов поняла: нам нужно разойтись. Родители сказали, что примут любое мое решение.

Ланьчжи с облегчением выдохнула и закрыла глаза, погружаясь в молчание. Они стояли, прижавшись друг к другу, окутанные мягким лунным светом.

Бай Сюэцин не стала спрашивать «почему». Будучи лучшей подругой, она знала Ланьчжи как саму себя. Она знала, что та любила Чэнь Канье, а он боготворил жену.

Но их миры, их взгляды на жизнь были фатально несовместимы.

Ланьчжи была чувствительной, застенчивой, нелюдимой — типичный художник-одиночка. Кроме Сюэцин, у нее не было близких друзей. Ей она доверяла без остатка, открывая самые потаенные уголки души.

Но даже эта дружба вызывала у Чэнь Канье глухое недовольство — ему казалось, что женщины слишком близки.

Канье был вожаком, вырвавшимся из стаи. Рано потеряв родителей, он прошел суровую школу жизни, которая сделала его нрав холодным, а поступки — беспощадными. Он не знал полумер. Он любил Ланьчжи, но его любовь была разрушительной. Тотальный контроль, вечное давление — эта страсть душила художницу, не давая ей дышать.

«Я знаю, что поступаю неправильно», — признавался когда-то Чэнь Канье в разговоре с Ю Чжилаем.

Он приложил палец к виску и криво усмехнулся:

«Но я не могу иначе. Это сильнее меня».

В тот вечер его взгляд был темным, как бездна. Глухим, надтреснутым голосом он добавил:

«Ланьчжи хочет развода. Она дала мне полгода... испытательного срока».

Он так сжал прозрачный бокал, что на руках вздулись жилы.

«И я согласился», — произнес он ровным, пугающе спокойным тоном.

Хруст!

Бокал разлетелся вдребезги. Янтарное вино смешалось с алой кровью, заливая ладонь Чэнь Канье.

— Срок истек, — прошептала Сюй Ланьчжи, крепче обнимая подругу.

Она прижалась щекой к ее груди и пробормотала:

— Решение не изменилось. Я всё еще хочу развода. Я слишком устала.

Бай Сюэцин погладила ее холодную щеку, смахнув кончиками пальцев невольную слезу.

— Я поддержу тебя, — тихо сказала она.

— Перед вылетом из России я написала Канье. Предложила подписать соглашение. Он ответил, попросил еще несколько дней... Сюэцин, можно Сяо Е побудет пока у тебя? Я боюсь, что Канье сорвется и напугает ребенка.

Ланьчжи добавила:

— Я постараюсь всё объяснить сыну постепенно. Верю, что он поймет. Я докажу ему, что даже после развода наша любовь к нему никуда не исчезнет.

— Конечно, — пообещала Сюэцин.

Когда банкет подошел к концу, Сюй Ланьчжи взяла сына за руку и нежно погладила его по голове:

— Будь умницей в доме тети Бай, хорошо?

— Хорошо, — «маленький крутой парень» Чэнь Шуе серьезно кивнул, сохраняя на лице привычное бесстрашие. — Мама, заканчивай свои дела и скорее забирай меня.

— Обязательно, — Ланьчжи тепло улыбнулась и выставила мизинец. — Обещаю.

Шуе зацепил своим пальчиком ее мизинец, они скрепили уговор касанием больших пальцев, и только тогда он забрался в машину семьи Ю.

Когда автомобиль тронулся, Сюй Лючжи подогнал машину к сестре, но та не спешила садиться в салон. Она стояла в серебристом свете луны, неподвижно глядя вслед удаляющимся огням фар.

Чэнь Шуе молча прильнул к стеклу, наблюдая, как фигура матери становится всё меньше и меньше, пока совсем не исчезла в ночи.

Машина въехала во двор Резиденции Ю. Бай Сюэцин откинула прядь волос с лица и мельком взглянула на Чэнь Шуе. Мальчик не произнес ни слова за всю дорогу, неподвижно сидя на своем месте.

Зато Ю Лу, сидевший рядом, так разыгрался на банкете, что уснул едва ли не в ту же секунду, как оказался в кресле. Сейчас он мирно сопел, свернувшись розовым комочком в своем безопасном сиденье.

Бай Сюэцин шепнула на ухо мужу:

— Мне кажется, Сяо Е сам не свой. Возьми его на руки, когда будем выходить, приласкай немного.

Выйдя из машины, Сюэцин осторожно подхватила спящего Ю Лу, а смысленый Бай Сунъе заботливо укрыл брата пледом. Втроем они направились к дому.

Ю Чжилай тем временем подошел к Чэнь Шуе, подхватил его и, слегка подбросив в объятиях, с улыбкой спросил:

— Ну что, Сяо Е, сегодня был долгий день: самолет, потом день рождения Крошки Лу... Устал?

От этой внезапной нежности на лице вечно серьезного мальчика отразилось крайнее

изумление. Он замер, приоткрыв рот, и во все глаза уставился на Ю Чжилая. Спустя мгновение его бледные щеки залил густой румянец, а кончики ушей заалели и даже забавно дернулись от смущения.

— Дядя Ю, я могу идти сам, — тихо проговорил он. — Папа никогда не берет меня на руки. Говорит, что я уже большой и мужчинам не пристало капризничать перед родителями.

Ю Чжилай удивился — он не ожидал, что Чэнь Канье так суров с сыном. Впрочем, вспоминая вечно ледяное лицо старого друга, он понял, что это вполне в его духе.

— Наш Сяо Е и впрямь маленький рыцарь, — мягко произнес Ю Чжилай, и его лицо осветилось доброй, располагающей улыбкой. — Но понимаешь, когда я вижу тебя, мне становится так радостно, что просто не терпится тебя обнять. Неужели ты откажешь дяде в такой маленькой просьбе?

Чэнь Шуе помолчал, обдумывая эти слова, и наконец едва заметно кивнул:

— Ладно.

Ю Чжилай рассмеялся и понес его к дому.

Холл был залит теплым, уютным светом. Хрустальные подвески люстры подрагивали от сквозняка, рассыпая блики по мужественному, спокойному лицу Чжилая. Он казался воплощением надежности.

Шуе, слегка покачиваясь в его руках, поначалу чувствовал себя неловко, но потом осторожно, словно боясь спугнуть мгновение, обхватил пухлыми ручонками шею мужчины.

Его уже очень давно никто не носил на руках.

Насколько он помнил, отец никогда этого не делал. Более того, видя, как мать пытается обнять сына, он всегда осекал его, попрекая излишней привязанностью. Ланьчжи лишь мягко улыбалась в ответ: «Он еще маленький».

Но Шуе рос быстро, став самым высоким в классе, а у мамы было слишком мало сил — теперь ей было просто не поднять его.

Какое-то время Чэнь Шуе даже злился на самого себя. Злился за то, что ест слишком много, за то, что растет таким крупным. Каждый день после школы он видел, как другие дети со всех ног бросаются в объятия своих пап и мам.

Шуе никогда бы в этом не признался, но в такие моменты в его душе просыпалась горькая,

недетская зависть.

И вот теперь он прильнул холодной щекой к теплому плечу Ю Чжилая, и на его губах сама собой расцвела робкая улыбка.

Мальчик чуть приподнял голову: его красивые изумрудные глаза сияли, а от недавней тоски, что тяжелым камнем лежала на сердце, не осталось и следа — ее развеяло тепло простого человеческого объятия.

<http://bllate.org/book/17465/1657633>